

ОТМЫВАНИЕ ДЕНЕГ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА

А.В. Шашкова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Настоящая статья посвящена проблеме ущемления конституционных прав граждан, которая непосредственно связана с борьбой с легализацией (отмыванием) незаконных доходов. Конституционный суд РФ (КС РФ) в 2013 г. сделал вывод о том, что федеральный законодатель при установлении правового механизма противодействия легализации полученных преступным путем доходов и воспрепятствования финансированию терроризма вправе предусматривать меры, направленные на предупреждение таких деяний и выявление совершающих их физических и юридических лиц. Он может обязать финансовые учреждения и другие организации, осуществляющие операции с денежными средствами, проводить идентификацию своих клиентов. В данной статье проводится анализ правовой позиции, которую автор не разделяет. Анализируя незаконную легализацию доходов, в особенности в контексте отказа от презумпции невиновности, автор указывает на намеренное корыстное преступление. Намеренность преступления установлена законодательно, то есть при сокрытии, непредставлении информации, приобретении или передаче имущества лицо должно понимать, что данное имущество имеет незаконное происхождение: имеется в виду направленность действия на сокрытие, прикрытие или помощь в отмывании незаконных доходов. При анализе российского и зарубежного законодательства в статье приводится характеристика следующих актов и принципов: специального законодательства по борьбе с незаконной легализацией, принципов приватности сделки, специального законодательства в рамках программы «Знай своего клиента». В статье рассматривается российский и зарубежный опыт решения проблемы борьбы с незаконным отмыванием доходов при одновременном соблюдении конституционных прав граждан.

Ключевые слова: легализация, отмывание, незаконные доходы, конституционные права, соблюдение конституционных прав, нарушение прав.

В большинстве государств, осуществляющих борьбу с отмыванием незаконных доходов, кроме специального законодательства, направленного непосредственно на борьбу с легализацией, существует законодательство, касающееся соблюдения прав и свобод человека и гражданина (например, в Австралии наряду с The Anti-Terrorism Act, 2005 в отношении предоставления информации о клиентах сходные вопросы регулирует The Privacy Act, 1988). В Великобритании, когда речь идет о предоставлении информации, лицо считается нарушившим законодательство только при одновременном соблюдении трех условий:

- такое лицо знает, подозревает, имеет веские причины для знания или подозрения, что другое лицо замешано в отмывании денег или иного имущества;

- информация или другие материалы, на которых базируется его знание или подозрение или которые являются веским основанием для такого знания или подозрения, поступили к нему в ходе его профессиональной деятельности;

- данное лицо не предоставило указанную информацию должным образом, как только получило информацию или другие материалы.

Это лицо не считается совершившим преступление, если у него есть веская причина не предоставлять информацию или другие материалы, а также в случае, если он является профессиональным юрисконсультантом и информация или другие материалы поступили к нему при конфиденциальных обстоятельствах. В Испании при рассмотрении уголовных дел, касающихся отмывания незаконных доходов, законодательство предусматривает возможность отступления от принципа презумпции невиновности [5, р. 8], то есть такое конституционное завоевание, как презумпция невиновности, теряет свою силу, если речь идет о легализации незаконных доходов. Бремя доказывания переносится на лицо, обвиняемое в отмывании доходов, но при этом требуется строгое соблюдение конституционных прав данных лиц [1].

Необходимо отметить, что, когда речь идет об отмывании денег, в особенности в контексте отказа от презумпции невиновности, то подразумевается только намеренное корыстное преступление. Намеренность преступления установлена законодательно, то есть при сокрытии, непредставлении информации, приобретении или передаче имущества лицо должно понимать, что данное имущество имеет незаконное происхождение. Здесь не имеет значения, о чем идет речь: об уклонении от уплаты налогов, сокрытии происхождения имущества или причинении вреда третьим лицам. Когда речь идет о намеренности, имеется в виду направленность действия на сокрытие, прикрытие или помощь в отмывании незаконных доходов.

Системный анализ данных актов зарубежного законодательства позволяет выделить следующие проблемы:

- специальным законодательством о борьбе с незаконной легализацией не предусмотрен четкий

перечень организаций, обязанных предоставлять информацию в орган финансового контроля, что влечет за собой размытость критериев выявления таких юридических лиц;

- во многих государствах действуют принципы приватности сделки (например, в Австралии National Privacy Principles составляют часть 1A The Privacy Act, 1988), в которых в том числе предусмотрено право лица не идентифицировать себя при совершении сделки [4];

- специальное законодательство в рамках программы «Знай своего клиента» предусматривает два вида идентификации: простую и расширенную. Поскольку в большинстве случаев простой идентификации недостаточно для того, чтобы убедиться в отсутствии отмывания денег, требуется расширенная идентификация, которая автоматически влечет за собой применение данной расширенной идентификации к абсолютному большинству клиентов. Более того, при применении рискованного подхода клиент, вероятнее всего, будет оценен как представляющий «высокий риск», что негативно влияет на клиента. Однако при этом сам клиент лишен возможности оспорить такую характеристику;

- отсутствие четких критериев оценки приводит к сверхинформированию, а впоследствии – невозможности отфильтровать информацию, действительно касающуюся легализации, от информации, предоставляемой организациями во избежание санкций за непредоставление информации. Эту проблему также не могут устранить санкции за предоставление лишней информации, поскольку четко не определен критерий информации, которая должна предоставляться, в особенности в отношении подозрительных сделок;

- поскольку информация, предоставляемая в орган финансового мониторинга, носит скрытый характер, отсутствует возможность апелляции со стороны клиента. Кроме того, она имеет оценочный характер, что приводит к дискриминации при оценке клиента по мотивам расы, внешности или поведения. А это уже является прямым нарушением естественных прав человека, закрепленных в международных документах:

- Всеобщей декларации прав человека 1948 г.;

- Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1966 г.;

- Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.;

- Проекте норм, касающихся обязанностей транснациональных корпораций и других предприятий в области прав человека 2003 г.;

- Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Информация может использоваться не только для целей борьбы с легализацией, но и, например, для злоупотребления этой информацией. Это происходило не только на российском рынке «Горбушка», но и в других государствах в аналогичной общедоступной форме (знаменитый революционный «рынок» образовался на рубеже смены политической власти – это был своего рода бунт

молодежи против «устаревших» мастодонтов). С развалом СССР на Москву обрушилась волна музыки, фильмов, картриджей для приставок и самих приставок. На «Горбушке» можно было купить и в настоящее время можно купить все, что угодно, от шариковой ручки до диска с базой данных Банка России.

В настоящее время в России можно выделить далеко не единичные случаи судебной практики, когда суды четко признают нарушения конституционных прав граждан. Наибольшее бремя здесь падает на банки. Банки вынуждены вводить какие-то несусветные ограничения, потому что в одном законе пишется одно, в другом – другое. И никто не знает, как это все реализовывать [6].

Согласно решению Центрального районного суда города Волгограда, вынесенному 4 февраля 2012 г. по иску гражданки Петровой О.И. к волгоградскому филиалу Промсвязьбанка, суд признал незаконным отказ банка выдать физическому лицу с его счета наличные деньги в размере 1,35 млн рублей. Причиной отказа в выдаче денег стало непредставление клиентом по требованию банка документов, подтверждающих происхождение денежных средств. Как пояснил в суде представитель Промсвязьбанка, банк действовал в рамках Федерального закона № 115-ФЗ. Поскольку на счет госпожи Петровой неоднократно поступали крупные суммы денег, которые снимались исключительно наличными, очередная такая операция вызвала у банка подозрения в незаконном происхождении денег. В связи с тем, что запрошенные банком документы о происхождении денег и справку о своих доходах госпожа Петрова не представила, операции по ее счету были приостановлены на неопределенный срок.

Суд счел действия банка неправомерными по следующим причинам. Согласно ст. 845 ч. 3 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), банк не вправе контролировать либо ограничивать использование клиентских средств. Перечень документов, из-за отсутствия которых банк может отказать в совершении операции по счету, действительно установлен Федеральным законом № 115-ФЗ, но является закрытым и не включает затребованные Промсвязьбанком документы. Приостановление же операций по счету без особых указаний регулятора допускается законом максимум на два дня.

В результате суд пришел к выводу, что банк, стремясь выполнить Федеральный закон № 155-ФЗ, его же и нарушил, не говоря уже о ГК РФ и законе РФ «О защите прав потребителей».

Данный пример свидетельствует о прямом нарушении конституционных прав личности при попытке соблюсти законодательство по борьбе с отмыванием незаконных доходов. Отказ в выдаче наличных средств является достаточно распространенным способом соблюсти Федеральный закон № 155-ФЗ. С тех пор как прямые услуги банков по обналичиванию средств подорожали, банки столкнулись с тем, что для отмывания стали активно использоваться вклады и текущие счета.

Рекомендованный Банком России метод борьбы с этим явлением через заградительные тарифы отпугивает и «хороших» клиентов. Работа же с «плохими», даже при своевременном уведомлении Росфинмониторинга о сомнительных операциях, чревата если не отзывом лицензии, то серьезным репутационным риском.

Законодательство идет по пути совершенствования. С 1 ноября 2010 г. были введены новые правила «обмена иностранной валюты»: обменные пункты были либо закрыты, либо переведены в статус внутренних структурных подразделений банков (Указание ЦБ РФ №2423-У от 2 апреля 2010 г.). Это дало государству возможность контролировать наличные денежные потоки иностранной валюты, но, по мнению автора, отнюдь не облегчило участь банков. Попытки банков под угрозой жестких санкций регуляторов «перевыполнить» антиотмывочный закон фактически приводят к сбоям в осуществлении нормальной экономической деятельности [14, р. 454]. Так, помимо проблем со снятием наличных физические лица испытывают огромные проблемы с проведением безналичных платежей.

Банк России слишком высокими требованиями по выполнению Федерального закона № 115-ФЗ под угрозой отзыва лицензии попросту загоняет банки в угол. Здесь требуются изменения законодательства, которые, например, позволяют банкам отказывать в открытии счетов в одностороннем порядке. В соответствии с различными инструкциями Банка России при осуществлении физическим лицом переводов денежных средств без открытия банковских счетов, банковских операций и иных сделок с наличной иностранной валютой банки обязаны проводить процедуру идентификации физического лица (Инструкция Банка России №113-И от 28 апреля 2004 г.).

Также на банках лежит обязанность идентифицировать клиентов, обслуживаемых с использованием технологий дистанционного банковского обслуживания (Письмо ЦБ РФ №115-Т от 30 августа 2006 г.). Здесь необходимо учитывать, что выдаваемые банком личные пароли и коды доступа могут быть переданы иному «подставному» лицу, которое будет осуществлять от имени идентифицированных ранее лиц все операции. По мнению автора, у банков не всегда имеется возможность отследить такую передачу. Следовательно, необходимо законодательно закрепить исчерпывающий перечень мер, принятие которых кредитными организациями будет признаваться Банком России надлежащим исполнением требований по борьбе с отмыванием незаконных доходов [11, р. 17]. Логика должна работать следующим образом: если происхождение средств клиента законно (а это презюмируется, поскольку клиент идентифицирован банком), то и распоряжение такими средствами законно.

Идентификация юридического лица связана с дополнительными проблемами: банковские служащие проводят идентификацию «виртуально», путем оценки представленных документов.

Однако и «физическая» оценка, такая, как выезд в адрес регистрации юридического лица, может иметь место (Рекомендации Банка России №137-Т и Положение ЦБР №262-П «Об идентификации кредитными организациями клиентов и выгодоприобретателей в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 19 августа 2004 г.). Важным представляется идентификация физических лиц, осуществляющих контроль над таким юридическим лицом. Отсюда автор делает вывод о том, что для идентификация клиента – юридического лица определяющее место занимает идентификация физических лиц, выступающих представителями юридического лица в отношениях с банком.

Проблемой для банков является то, что их наказывают как в случае нарушений нормативных актов Банка России, так и в случае нарушения актов, не носящих нормативного характера. В качестве примеров можно привести письма №98-Т, 12-Т, 17-Т, 99-Т, 161-Т. Все это методические рекомендации, не носящие нормативного характера.

Неоднократно подавались жалобы в КС РФ о конституционности различных статей Федерального закона № 115-ФЗ, в том числе пп. 1 п. 1 ст. 7, согласно которому организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом, обязаны идентифицировать находящееся на обслуживании лицо и установить в отношении физического лица фамилию, имя, а также отчество (если иное не вытекает из закона или национального обычая), гражданство, реквизиты документа, удостоверяющего личность, данные миграционной карты, документа, подтверждающего право иностранного гражданина или лиц без гражданства на пребывание (проживание) в РФ, адрес места жительства (регистрации) или места пребывания, идентификационный номер налогоплательщика (при его наличии).

Например, по мнению заявителя, в данном случае названное законоположение ограничивает право собственности несоразмерно конституционно защищаемым целям, а потому противоречит ст. 2, 17 (ч. 1), 18, 34 (ч. 1), 35 (ч. 1 и 2) и 55 (ч. 3) Конституции РФ (Определение КС РФ № 519-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Голубка Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 1 статьи 7 ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 1 декабря 2005 года).

Согласно правовой позиции КС РФ, право частной собственности не относится к тем правам, которые в соответствии со ст. 56 (ч. 3) Конституции РФ не подлежат ограничению ни при каких условиях (Постановление КС РФ № 20-П от 17 декабря 1996 г., Постановление КС РФ № 14-П от 12 мая 1998 г., Постановление КС РФ № 8-П от 14 мая 1999 г., Постановление КС РФ № 3-П от 24 февраля 2004 г.). При этом в соответствии с позицией КС

РФ как сама возможность ограничений, так и их характер должны определяться законодателем не произвольно, а в соответствии с Конституцией РФ, в том числе ее ст. 55 (ч. 3), устанавливающей, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Как указал КС РФ, с положением ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ корреспондируют нормы международного права и международные договоры РФ, в соответствии с которыми при осуществлении своих прав и свобод человек может подвергаться только тем ограничениям, которые установлены законом и необходимы для:

- обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других лиц;
- охраны государственной (национальной) безопасности;
- сохранения территориальной целостности, публичного (общественного) порядка;
- предотвращения преступления;
- защиты здоровья или нравственности населения (добрых нравов);
- удовлетворения справедливых требований морали и общего благосостояния в демократическом обществе (п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, п. 3 ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах, п. 2 ст. 10 и п. 2 ст. 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также п. 3 ст. 2 Протокола № 4 к ней).

Исходя из этого, КС РФ сделал вывод о том, что федеральный законодатель при установлении правового механизма противодействия легализации полученных преступным путем доходов и воспрепятствования финансированию терроризма вправе предусматривать меры, направленные на предупреждение таких деяний и выявление совершающих их физических и юридических лиц. Он может обязать финансовые учреждения и другие организации, осуществляющие операции с денежными средствами, проводить идентификацию своих клиентов.

По мнению КС РФ, которое автор не разделяет, оспариваемое законоположение служит общественным интересам и направлено на реализацию участниками гражданского оборота взаимных прав и обязанностей, не может рассматриваться как нарушающее конституционное право собственности, гражданско-правовой принцип свободы договора и автономии воли стороны такого договора и тем самым – как противоречащее Конституции РФ, ее ст. 17 (ч. 1 и 3), 34 (ч. 1), 35 (ч. 1 и 2) и 55 (ч. 3).

Делая такое заключение, КС РФ снял с себя ответственность за весьма спорное толкование законодательства РФ в отношении борьбы с незаконным отмыванием, отказывая в рассмотрении указанной жалобы. По мнению КС РФ, никаких

■ Право

неопределенностей в вопросе соответствия Конституции РФ данного законодательства не существует. Что касается дальнейшего ограничения конституционных прав граждан, то в России также можно выделить ряд оперативно-розыскных мероприятий, «острых» оперативно-розыскных мероприятий, а также иных мероприятий, значительно лимитирующих такие права:

- обследование жилых помещений;
- контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений;
- прослушивание телефонных переговоров;
- снятие информации с технических каналов связи [13, р. 207];
- проверочная закупка;
- оперативное внедрение;
- контролируемая поставка;
- оперативный эксперимент;
- опрос;
- наведение справок;
- сбор образцов для сравнительного исследования;
- наблюдение;
- отождествление личности (оперативное опознание);
- обследование нежилых помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

Из рассмотренного вытекает вывод о необходимости совершенствования российского законодательства для установления четких рамок борьбы с незаконным отмыванием и соблюдения конституционных прав личности. Кроме того,

автор предлагает изменить терминологию законодательства: в названии 115-ФЗ термин «доход» заменить на термин «имущество». Термин «доход» имеет экономико-правовой смысл, отвечающий целям налогового и бюджетного регулирования, однако не работающий в концепции незаконного отмывания [5]. Данная терминологическая проблема, однако, присутствует и на международном уровне [12, р. 24–25].

«Понятие незаконных доходов, принятое в российском уголовном законодательстве, в буквальном толковании может привести к тому, что уголовное преследование будет возбуждено в отношении лиц, совершивших гражданско-правовые нарушения закона либо административные правонарушения, что приведет к излишним репрессиям». Действие уголовного закона, по мнению автора, должно быть направлено на лишение экономической базы организованной преступности, а не на пресечение мелких правонарушений.

Следующим предложением автора является концептуальная замена способа приобретения имущества: не противозаконным, а противоправным путем. Это позволит расширить спектр данного имущества, поскольку далеко не все имущество, приобретенное противозаконным путем, является приобретенным противоправно. Здесь автор подчеркивает нелегитимную природу объекта незаконного отмывания. И, конечно же, создание эффективной и действенной законодательной базы по данному вопросу необходимо, так же как и реальное международное сотрудничество по данному вопросу.

Список литературы

1. Amedeo Argentiero, Michele Bagella, Francesco Busato. Money Laundering as a Financial Sector Crime. A New Approach to Measurement, with an Application to Italy. Springer Science. European Journal of Law and Economics. 26/2008. p. 341-359.
2. Bagella M., Becchetti L. Esternalita Regionali ed Effetti Economici della Regolamentazione contro il Riciclaggio. VI Rapporto Fondazione Rosselli. Dalla banca alla eurobank: Nuevo mercati e regole. Edibank. Ed. 2. 2001.
3. Coeman, James W. The Criminal Elite. St. Martin's Press. New York. 1985. p. 260.
4. Elliott M. Case and Comment // Cambridge Law Journal. 2006. 65(1). March. P. 1–51.
5. Juan Pablo Rodríguez Cárdenas. El Manejo de la Prueba en Términos de Auditoría Forense para los Casos de Lavado de Activos. 2009. Caracas : IDEAF. P. 1-8.
6. Tanzi V. Uses and abuses of estimates of the underground economy. Economic Journal. Ed. 109. 2004. P. 338-347.
7. Zizza R. Metodologie di stima dell'economia sommersa: un'applicazione al caso italiano, mimeo, Banca d'Italia. 2002. P. 1-16.
8. Аграновский А.В. Об обязанностях адвокатов по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Право и экономика. 2004. №11. С. 69-70.
9. Безлепкии Б.Т. Судебная система, правоохранительные органы и адвокатура в России: учебник. М.: Юрист, 2001. С. 349.
10. Голованов Н.М. Теневая экономика и легализация преступных доходов. Закон и практика. Питер, 2003. С. 303.
11. Завойкина Н. Требуется идентификация. М.: ЭЖ-ЮРИСТ, 2006. №37. С. 17.
12. Иванов Э.А. Отмывание денег и правовое регулирование борьбы с ним. М.: Российский издательский дом, 1999. С.176.
13. Михайлов В.И. Противодействие легализации доходов от преступной деятельности. СПб., 2002.С. 448.
14. Шашкова А.В. Russian Business Law. М.: Линкор, 2007. С. 483.

Об авторе

Шашкова Анна Владиславовна – к.ю.н., доцент кафедры конституционного права МГИМО(У) МИД России, адвокат Адвокатской палаты Московской области, почетный консул Сент-Винсента и Гренадин. Сфера научных интересов включает правовое регулирование противодействия отмыванию незаконных доходов, а также более широкие вопросы финансового и предпринимательского права. E-mail: ashashkova@inno.mgimo.ru

MONEY LAUNDERING AND CONSTITUTIONAL RIGHTS

A.V. Shashkova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The present article is dedicated to the problem being side-effect and directly related to the anti-money laundering fight: the infringement of the constitutional rights. In 2013 the Constitutional Court of the Russian Federation gave the judgment that the Federal law has a discretionary power to provide in the legislation certain methods preventing terrorism financing and money laundering, obliging financial and other institutions, conducting money transfers to identify their clients. The analysis of such position is given in the present article. The author does not share such position. Analyzing money-laundering especially in the context of renunciation of presumption of innocence, the author shows the deliberate crime. Such deliberate aim shall be stated in the legislation, that means that while concealing, non-reporting, taking or granting funds the person shall mentally understand the illegal origin of such funds: actions shall be dedicated to concealing, covering or assistance in money-laundering. The article analyses Russian and foreign legislation in dealing with the matter, their principles and acts: special legislation on money-laundering fight, privacy principles, special legislation on "know you customer" programme. The author researches Russian and foreign experience in dealing with anti money-laundering taking into account observance of constitutional rights of people.*

Key words: money-laundering, illegal income, constitutional rights, observance of the constitutional rights, infringement of rights.

References

1. Amedeo Argentiero, Michele Bagella, Francesco Busato. Money Laundering as a Financial Sector Crime. A New Approach to Measurement, with an Application to Italy. Springer Science. European Journal of Law and Economics. 26/2008. p. 341-359.
2. Bagella M., Becchetti L. Esternalita Regionali ed Effetti Economici della Regolamentazione contro il Riciclaggio. VI Rapporto Fondazione Rosselli. Dalla banca alla eurobank: Nuevo mercati e regole. [Regional Review on the Economic Effects of Money-Laundering. VI Report of Roselli Foundation. About Eurobank: New Markets and Regulations]. Edibank. Ed. 2. 2001.
3. Coeman, James W. The Criminal Elite. St. Martin's Press. New York. 1985. p. 260.
4. Elliott M. Case and Comment. Cambridge Law Journal. 2006. 65(1). March. P. 1–51.
5. Juan Pablo Rodríguez Cárdenas. El Manejo de la Prueba en Términos de Auditoría Forense para los Casos de Lavado de Activos. [Court Administration on Money-Laundering]. 2009. Caracas : IDEAF. p. 1-8.
6. Tanzi V. Uses and abuses of estimates of the underground economy. Economic Journal. Ed. 109. 2004. P. 338-347.

■ Право

7. Zizza R. Metodologie di stima dell'economia sommersa: un'applicazione al caso italiano, mimeo, Banca d'Italia. [Methodology of Estimation of Shadow Economy in Italy, Bank of Italy]. 2002. p. 1-16.
8. Agranovskij A.V. Ob objazannostjah advokatov po protivodejstvu legalizacii (otmyvaniju) dohodov, poluchennyh prestupnym putem. [On the Obligations of Lawyers in Case of Money-Laundering.]. Pravo i jekonomika. 2004. №11. p. 69-70 (in Rus.).
9. Bezlepkin B.T. Sudebnaja sistema, pravoohranitel'nye organy i advokatura v Rossii: uchebnik. [Judicial System, Prosecution and Lawyers in Russia.]. M.: Jurist. 2001. p. 349 (in Rus.).
10. Golovanov N.M. Tenevaja jekonomika i legalizacija prestupnyh dohodov. [Shadow Economy and Money-Laundering.]. Zakon i praktika. 2003. Piter. P. 303.
11. Zavojkina N. Trebuetsja identifikacija.[Identification Required.]. M.: JeZh-JuRIST. №37. 2006. P. 17.
12. Ivanov Je.A. Otmyvanie deneg i pravovoe regulirovanie bor'by s nim. [Money-Laundering and Legal Regulations Thereof.]. M.: Rossijskij izdatel'skij dom. 1999. P.176
13. Mihajlov V.I. Protivodejstvie legalizacii dohodov ot prestupnoj dejatel'nosti. [Anti Money-Laundering.]. SPb. 2002. P. 448.
14. Shashkova A.V. Russian Business Law. M: Linkor. 2007. p. 483.

About the author

Anna V. Shashkova – Associate Professor of the Chair of Constitutional Law of MGIMO-University, Candidate of Law, Moscow Region Bar Lawyer, Honorary Consul for St. Vincent and the Grenadines.
E-mail: ashashkova@inno.mgimo.ru
